

Глава LXV. ПАДЕНИЕ ЭБЕРТИСТОВ. КАЗНЬ ДАНТОНА

Зима проходила таким образом в глухой борьбе между революционерами и контрреволюционерами, причем последние с каждым днем все больше поднимали голову.

В начале февраля Робеспьер сделался выразителем недовольства против некоторых комиссаров Конвента, действовавших, как Каррье в Вандее, в Нанте или Фуше в Лионе, с отчаянной яростью против восставшего населения, причем они не делали даже различия между теми, кто подготовлял восстания и поддерживал их, и людьми из народа, вовлеченными в бунты*. Он требовал, чтобы эти комиссары были немедленно отозваны, и грозил им судебным преследованием. Но из этой агитации ничего не вышло, 5 вантоза (23 февраля) Конвент амнистировал Каррье, из чего следовало заключить, что вины других комиссаров прощаются, каковы бы они ни были. Эбертисты торжествовали. Робеспьер и Кутон, оба больные, не показывались.

*Молодой Жюльен, между прочим, откровенно написал Робеспьеру о безобразиях некоторых комиссаров, особенно Каррье. См. *Une mission en Vendee*. Под этим заглавием E. Lockroy издал книгу, содержащую письма Жюльена.

В это же самое время Сен-Жюст, вернувшись из действующей армии, произнес 8 вантоза (26 февраля) длинную, обработанную речь, которая произвела большое впечатление и вместе с тем перемешала все карты. Сен-Жюст не только не говорил о смягчении преследований — он целиком принимал террористическую программу эбертистов. Он тоже грозил, еще сильнее их. Он обещал взяться за партию «отживших людей», указывая как на ближайших жертв гильотины на дантонистов — эту «политическую секту», которая «идет медленными шагами», «обманывает все партии» и подготовляет возврат реакции; она говорит о милосердии, «потому что эти господа не чувствуют себя достаточно добродетельными, чтобы быть страшными». Здесь Сен-Жюст, конечно, сознавал свою силу; оставаясь безусловно честным, он имел полное право говорить во имя республиканской честности; между тем как эбертисты, по крайней мере на словах, легкомысленно относились к вопросам нравственности, что давало повод смешивать их со всей толпой буржуазных хищников, ничего не видевших в революции, кроме случая для наживы.

Что касается до экономической программы Сен-Жюста, то в своем докладе 8 вантоза он воспроизвел от себя некоторые из мыслей бешеных. Он признался, что до тех пор не думал

об этих вопросах. «Сила вещей, — говорил он, — приводит нас, может быть, к результатам, о которых мы раньше не думали». Теперь, думая об этом, он, однако, додумался до немногого. Он ничего не имел против богатства вообще; он восставал против богатства только тогда, когда оно было в руках врагов революции. «Собственность патриотов священна, — говорил он, — но имения заговорщиков послужат для бедных». Он высказал, впрочем, несколько замечаний о земельной собственности. Он хотел бы, чтоб земля принадлежала тем, кто сам ее обрабатывает: пусть отбирают землю, говорил он, у тех, кто не обрабатывал ее в продолжение 20 или 50 лет. Ему представлялась, таким образом, демократия, состоящая из добродетельных мелких собственников, живущих в скромном достатке. И он требовал, чтобы земли заговорщиков против республики были отобраны для раздачи бедным. Покуда будут бедные, неимущие и покуда гражданские отношения в стране*таковы, что они вызывают потребности, противоречащие форме правительства, свобода невозможна. «Как может утвердиться свобода, если остается возможность поднять бедных против нового общественного порядка; и как можно сделать, чтобы не было бедных, если каждый не будет владеть участком земли... Нищенство надо уничтожить, раздав национальные имущества бедным». Он говорил также об организации вроде национального страхования всех граждан; об «общественном земельном фонде, существующем для того, чтобы приходить на помощь в случае бедствия». Этот фонд послужил бы для «вознаграждения добродетели», для пособия отдельным лицам в случае личного несчастья, для образования.

*Сен-Жюст имел здесь в виду отношения экономические.

И наряду с этим он проповедовал усиленный террор: эбертистский террор, слегка окрашенный социализмом. Но социализм Сен-Жюста имеет какой-то отрывочный характер. Это, скорее, нравоучительные советы, чем конкретные мысли и проекты законодателя. Видно, что Сен-Жюст стремился прежде всего доказать, как он сам выразился, что «Гора все-таки остается вершиной революции». Она не даст себя опередить. Она гильотинирует бешеных и эбертистов, но кое-что заимствует у них.

Этим своим докладом (из которого впоследствии якобинцы хотели сделать чуть не библию социалистических требований) Сен-Жюст добился от Конвента двух декретов. Один из них был ответом тем, кто требовал смягчения преследований: Комитету общественной безопасности давалось право освобождать «задержанных патриотов». Другой — представлял попытку вырвать почву из под ног у эбертистов и вместе с тем успокоить лиц, покупавших национальные имущества: имения, купленные патриотами, останутся в их владении; но имущества врагов революции будут отобраны на пользу республике. Что же касается до самих врагов, то их будут держать в тюрьмах вплоть до заключения мира, после чего они будут изгнаны из Франции. В сущности, от речи Сен-Жюста остались одни слова.

Тогда кордельеры решили действовать. 14 вантоза (4 марта) они покрыли черным покрывалом таблицу прав человека, висевшую в их клубе. Венсан говорил о гильотине для врагов революции, а Эбер произнес речь против Амара, члена Комитета общественной безопасности, не решавшегося послать еще 73 жирондиста на эшафот. Он даже намекал на Робеспьера, не за то, что он представлял препятствие действительно серьезным экономическим преобразованиям, но за то, что он заступился за Демулена. Таким образом

кордельеры не выходили из области террора. О главных вопросах, волновавших население, — вопросах экономических ничего не было сказано. Каррье поставил прямо вопрос о необходимости восстания. Но ничего такого, что могло бы поднять Париж, не было сказано.

Париж не поднялся, и Коммуна отказалась следовать за кордельерами. Тогда ночью 23 вантоза (13 марта) эбертистские вожди — Эбер, Моморо, Венсан, Ронсен, Дюкроке и Ломюр были арестованы, и Комитет общественного спасения стал распространять на их счет через Бийо-Варенна всякие басни и клевету. Они собирались, говорил Бийо, перерезать в тюрьмах всех роялистов; они хотели ограбить Монетный двор; они зарывали в землю жизненные припасы, чтобы произвести голод в Париже!

28 вантоза (18 марта) Шометт был тоже арестован после того, как Комитет общественного спасения своей собственной властью сменил его и посадил на его место некоего Селье. Точно так же самовластно Комитет сменил мэра города Парижа — Паша. Анахарсис Клоотс был уже арестован 8 нивоза (28 декабря) под тем предлогом, что он наводил справки, не находится ли имя одной дамы в списке «подозрительных». Леклерк, друг коммуниста Шалье, приехавший в Париж из Лиона, и сотрудник Жака Ру, был замешан в то же дело.

Правительство торжествовало.

Настоящие причины этих арестов в крайней партии до сих пор остаются неясными. Не составляли ли эбертисты заговора, чтобы захватить власть при помощи «революционной армии» Ронсена? Это возможно, но ничего достоверного на этот счет не известно.

Арестованные эбертисты немедленно предстали перед Революционным трибуналом и правительство не постыдилось устроить то, что тогда называли «амальгамой», т. е. включило в один и тот же процесс банкиров и немецких агентов, вместе с такими людьми, как Моморо, который уже в 1790 г. отличался своими коммунистическими воззрениями, и безусловно, все, что имел, отдал революции, или бедняк Леклерк, друг Шалье, Эбер и Анахарсис Клоотс — «оратор рода человеческого», который уже в 1793 г. предвидел республику всего человечества и имел смелость говорить о ней.

4 жерминаля (24 марта) после процесса для формы, продолжавшегося три дня, всех гильотинировали.

Легко себе представить, каким праздником был этот день среди роялистов, которыми Париж был переполнен. На улицы высыпали толпы «мюскадэнов», одевавшихся в самые невероятные наряды, и они преследовали приговоренных своими насмешками и оскорблениями, пока тех везли на казнь, совершившуюся на Площади революции. Богатые господа платили шальные цены за места возле гильотины, чтобы вполне насладиться казнью Эбера, издателя газеты «Pere Duchesne». «Площадь обратилась в театр, — писал Мишле, — и вокруг нее был род ярмарки; массы веселой публики гуляли на Елисейских полях между палаток и лавочек». Народ, мрачный, не показывался. Он знал, что в этот день убивали его друзей, что революции наносят смертельный удар.

Шометта гильотинировали несколькими днями позже, 24 жерминаля (13 апреля), вместе с епископом Гобелем, тем самым, который отказался от своего сана, причем выставленное

против них обоих преступление было неверие. Робеспьер и его партия явно заискивали у буржуазии в надежде продлить революцию. Вдова Демулена и вдова Эбера были включены в ту же группу жертв гильотины. Мэра Паша не решались казнить, но Комитет общественного спасения сменил его и заменил ничтожеством, Флерио-Леско, а Шометт был сперва заменен Селье, а потом Клодом Пайяном, человеком, вполне преданным Робеспьеру. В угоду своему патрону он больше заботился о «верховном существе», чем о парижском населении*.

*В силу закона 14 фримера, которым установлено было «революционное правительство», взамен прокуроров коммун, выбиравшихся народом и представлявших органы самоуправления, были введены национальные агенты, назначавшиеся Комитетом общественного спасения. Шометт был тогда утвержден в своей должности и стал таким образом «национальным агентом», т. е. правительственным чиновником. В тот день, когда Комитеты решили арестовать эбертистов, т. е. 23 вантоза (13 марта), Комитет общественного спасения внес в Конвент новый закон, который позволял ему сменять люден, избранных коммунарами, и заменять их чиновниками, назначенными им самим. Конвент, конечно, принял этот закон, и, пользуясь им, Комитет сменил Паша и назначил на его место своего человека, Флерио-Леско.

Таким образом Комитеты общественной безопасности и общественного спасения окончательно взяли верх над Парижской коммуной. И так заканчивалась борьба, которую выдержал этот очаг революции, с 9 августа 1792 г. по 13 апреля 1794 г. против официальных представителей централистской революции. Коммуна, служившая вместе со своими секциями в продолжение 20 месяцев выражением парижского народа и маяком для революционной Франции, обращалась теперь в орган государственного чиновничества.

После этого конец революции, очевидно, был уже близок. С Пашем и Шометтом исчезли из революции два человека, которые олицетворяли в глазах народа народную революцию. Когда делегаты, присланные департаментами, чтобы заявить свое согласие на июньскую конституцию 1793 г., приехали в Париж, их поразил демократический характер столицы*. Мэр, «дяденька Паш», писали они домой, приходит в Коммуну из деревни пешком, принося с собой свой хлеб; Шометт, прокурор Коммуны, «живет в одной комнате со своей женой, которая сидит и чинит что-нибудь. Кто бы ни постучал, ему отвечают: "Входите!" Совсем как у Марата». Эбер, товарищ прокурора Коммуны, и «оратор рода человеческого», т. е. Анахарсис Клоотс, все одинаково доступны. Этих людей теперь отняли у народа в угоду буржуазии.

*Anacnarsis Cloutz par Avenel, vol. II, p. 168—169.

Казнь эбертистов вызвала, однако, такое ликование среди роялистов, что Комитеты с ужасом увидели, как внезапно приблизилось торжество контрреволюции. Теперь на «Тарпейскую скалу», столь дорогую Бриссо, его продолжатели требовали уже самих членов обоих Комитетов. Демулена, который вел себя самым гнусным образом во время казни Эбера, натравливая на него крикунов, бежавших за телегой, в которой его везли на казнь (он сам это рассказал), выпустил теперь седьмой номер своей газеты, целиком посвященный нападениям на революционный строй. Роялисты предавались бешеным выражениям

восторга и упрашивали Дантона начать нападение на Комитеты. Вся масса жирондистов, прикрывавшаяся именем Дантона, собиралась теперь воспользоваться исчезновением эбертистов и поражением Парижской коммуны, чтобы произвести свой переворот; и тогда под гильотину пошли бы Робеспьер, Кутон, Сен-Жюст, Бийо-Варенн, Колло д'Эрбуа и множество других. Контрреволюция в таком случае взяла бы верх уже весной 1794 г. Тогда Комитеты решили нанести сильный удар вправо и пожертвовать ради этого Дантоном и его друзьями.

В ночь с 30 на 31 марта (с 9 на 10 жерминаля) Париж узнал с ужасом, что Дантон, Демулен, Филиппе и Лакруа арестованы. На основании доклада, прочтенного Сен-Жюстом в Конвенте (он был составлен по черновой, написанной Робеспьером и до сих пор сохранившейся в архивах). Конвент приказал немедленно начать преследования. Комитеты снова сочинили «амальгаму» и предали революционному трибуналу Дантона, Демулена, Базира, Фабра, обвиненного в грабеже, Шабо, который признался, что получил от роялистов 100 тыс. франков для какого-то дела, оставшегося неизвестным (он их, впрочем, не израсходовал), Делонэ, действительно учинившего подлог в пользу Индийской компании, о котором мы говорили, и посредника Жюльена из Тулузы.

Процесс был, конечно, лишь для формы. Когда Комитеты увидели, что могучая защита Дантона может вызвать народное восстание, они велели прекратить защитительные речи.

Все были казнены 5 апреля 1794 г. (16 жерминаля III года).

Понятно, какое впечатление на население Парижа и на революционеров всей Франции должны были произвести падение революционной Парижской коммуны и казнь таких людей, как Леклерк, Моморо, Эбер и Клоотс, за которой последовала казнь Дантона и Демулена и, наконец, Шометта. В Париже и в провинциях народ понял, что эти казни обозначают конец революции. В политических кругах знали, конечно, что на Дантона рассчитывали в данную минуту контрреволюционеры. Но для Франции вообще он оставался революционером, стоявшим на передовом посту во всех народных движениях. «Если эти люди тоже изменники, на кого же тогда полагаться?» — спрашивали себя в народе. «Но правда ли, что они изменники?» — спрашивали себя другие. «Не ясно ли, что пришел конец революции?»

Да, пришел ее конец. Раз восходящее движение было остановлено, раз нашлась сила, способная сказать революции: «Дальше этого ты не пойдешь», — как раз в ту минуту, когда новые народные стремления пытались найти свое выражение; и раз эта сила могла снести головы именно тех, кто старался найти это выражение, истинным революционерам стало ясно, что революции наступает конец. Их не могли обмануть слова Сен-Жюста, уверявшего их, что он тоже начинает думать, как те, кого он посылал на гильотину. Они поняли, что то было начало конца.

И действительно, торжество Комитетов над Коммуной было торжеством порядка, а торжество порядка значит конец революционного периода. Теперь могло произойти еще несколько конвульсий, но революция была кончена.

